

PIOTR GÓRSKI

REGUŁA ZAKONU
KUŹNIA, W KTÓREJ UMIERALI
ZŁOŚĆ BOGÓW
NIEPOMSZCZENI

ПЕТР ГУРСКИЙ

ЗАКОН ОРДЕНА
КУЗНЯ, ГДЕ УМИРАЛИ
ГНЕВ БОГОВ
НЕОТМЩЕННЫЕ

Перевод с польского Дмитрия Могилевцева

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Пол)
Г95

Серия «Шедевры фэнтези»

Piotr Górski
REGUŁA ZAKONU
KUŹNIA, W KTÓREJ UMIERALI
ZŁOŚĆ BOGÓW
NIEPOMSZCZENI

Публикуется с разрешения автора
и при содействии *Владимира Аренева* и *Сергея Лезезы*

Перевод с польского: *Дмитрий Могилевцев*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Reguła Zakonu © 2019 Piotr Gorski
Kuźnia, w której umierali © 2013 Piotr Gorski
Złość bogów © 2016 Piotr Gorski
Niepomszczeni © 2014 Piotr Gorski
© Дмитрий Могилевцев, перевод, 2021
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Закон Ордена

Пролог

Она привыкла к тишине, а мужчина шумел напропалую: ломился сквозь заросли, ступал на сухие ветки, чуть не провалился в болотное окно, затянутое колыхающимся под ногами слоем дерна, и громко выругался, будто и не придавал значения тому, что его могут услышать.

Тана скользила за ним как привидение, вся слух и внимание. Она уже восемнадцать бесконечных нудных месяцев стергла здешние места, и за все время никто сюда не заглядывал, и даже не проходил поблизости. Тана представляла себе, что незванный гость — если он, все-таки, объявится — подкрадется тихо и неприметно, напуганный, опасливый. А гость продирался сквозь лес будто стадо кабанов.

Удивляло облачение мужчины: всего лишь черные штаны и белая льняная рубаха. Босоногий, без оружия, ничего в руках. В таком виде не ходят по лесу, в особенности по здешнему, где папоротники ранят словно ножи, жадный до крови золотой пырей обвиняется вокруг лодыжек, а от крапивы бьют судороги.

Когда мужчина вышел к озеру, уже смеркалось. Трудно вообразить себе горшее время для визита к Лебязьему озеру. Но гость не собирался оставаться на берегу — посмотрел на голубую прорву, глубоко вдохнул и ступил в воду.

Тана присела за кустами, окаймляющими узкую полосу песка на берегу, оглянулась. Кирие поблизости нет. А тем временем мужчина неторопливо удалялся от берега. Вот вода уже по пояс. Вот по грудь.

Первая лебедица появилась, когда мужчина зашел по шею. Лицо с тонкими деликатными чертами, но не слишком привлекательное. Зато уж тело... нагое, кожа бела как снег, чудесные бедра, а груди такие, что заставляют клониться под их тяжестью. Тана даже слегка позавидовала.

Лебедица стояла, погрузившись лишь по икры. Она протянула белую руку к мужчине. Он, как заметила Тана, не сразу решился взять ее. Но взял — и тут же выступил из воды, словно принял чужую силу. Оба пошли по поверхности озера, взявшись за руки.

Когда они отошли дальше от берега, вынырнули еще трое — с лицами такими же, как у первой, с абсолютно такими же фигурами. С глаз и волос текла вода, ручьем лилась из открытых ртов. Тройка окружила идущую пару. Первая лебедица повернулась к мужчине, придвинулась вплотную.

Пока она целовала его, три другие содрали с мужчины рубашку и штаны. Он встал перед ними нагой, с кожей намного темнее, чем у них, темноволосый, с большой непонятной татуировкой на руке. Лебедицы

обнимали его, гладили, целовали. Он не оставался в долгу — одной рукой безуспешно пытался охватить грудь первой лебедицы, вторую руку вложил между ног ее товарки. Третья опустилась на колени. Тана нисколько не сомневалась в том, для чего именно. Последняя прильнула к спине и целовала в плечи.

Тана смотрела, не отводя глаз, и старалась сдерживать нарастающее возбуждение. Ах вы курвы озерные!

Вдруг она ощутила рядом с собой живое тепло. Кирие сумела подкрасться, будто охотящийся кот.

Ох.

Вылитая дикарка: копна спутанных волос, грязное худое лицо, обведенные пеплом глаза так и горят. И такая милая!

— А ведь они его утопят! — яростно прошептала Кирие.

Тана развела руками. Ну, утопят, и что? Дуракам свойственно находить дурацкую страшную смерть.

Мужчина уже едва различался в сумраке. Тана видела почти только лебедиц. Вода, прежде доходившая лишь до икр, уже была выше колена.

— Ну вот, уже затягивают...

В темноте едва различались белесые фигуры, погружившиеся уже по пояс. Вдруг донесся всплеск, хрипы, звуки яростной возни. Снова всплеск, громче прежнего — и все стихло. Над кронами деревьев показался месяц, осветил безукоризненно ровную гладь озера.

— И всего-то,— вполголоса произнесла Кирие.

— Однако интересно: вправду ли они сделали ему так хорошо перед смертью, как о том рассказывают? — задумчиво произнесла Тана.

Ночь пришла величественная. Было в ней что-то магическое. Обе женщины не двинулись с места. Озеро казалось невероятно прекрасным, торжественным — но и безмятежным, успокаивающим. Кирие уселась на сломанном корне, свесила голову — будто заснула.

Тана не ощущала сонливости, но и ее веки тяжелели, голова потихоньку опускалась. Наконец Тана сдалась ночному покою.

А когда она, вздрогнув от внезапного предчувствия, открыла глаза, мужчина уже выходил из воды. Он был наг — лебедицы содрали одежду. Он кашлял, отхаркивал воду. Даже в скупом лунном свете было заметно то, насколько изувечена шея, синюшно-багровая до самых плеч. Глаза мужчины были широко раскрыты, руки дрожали.

Сон мгновенно улетучился. Тана поднялась, коснулась плеча Кирие. Та пробудилась так же тихо, как и заснула. Обе женщины терпеливо выждали, пока мужчина углубится в лес, затем Кирие показала жестом, что пойдет одна, и скользнула следом. Тана выждала еще немного и пошла за ними. Если она склонялась над землей, преобразенные зрачки без труда отыскивали отпечатки стоп.

Мужчина задержался в лесу, затем направился в сторону Воон Дарт, небольшого и скверного поселения. Днем его было видно с опушки. Дальше Тана не пошла, уселась под деревом. Кирие вернулась под самое утро, бросила на землю бурдюк, полный белого вина.

— Он остался в корчме, — сказала Кирие. — Пил до утра, снял комнату и остался отсыпаться в ней.

— Он отправился туда гольшом?

— Нет. У него на краю леса оказались и одежда, и целый арсенал оружия. Вояка, причем доподлинно знавший, куда идет и чего ожидать.

— А как он выжил? — осведомилась Тана.

— Не имею понятия. Как подумаю о том, мурашки по коже. Ты видела, что он унес из озера?

— В руках, похоже, ничего. Но я не уверена.

— И я толком ничего не заметила, — призналась Кирие. — В корчме он просто сидел и пил.

Тана взялась за бурдюк, попробовала вина. Слишком уж сладкое.

— Я пойду за ним, — объявила Кирие. — Ты передашь известия госпоже Аталозэ. Думаю, она захочет заменить меня и заняться слежкой сама. А перед тем передай сестрам с западного берега, чтобы шли к нам.

— Как-то оно все странно и удивительно, — заметила Тана.

— Мы знали, что будет странно и удивительно, — сказала Кирие.

Когда принимали вахту, магистресса Этрасаозэ Мастерия Аннэ предупредила о том. Но обе следопытки восемнадцать месяцев видели только деревья и диких зверей и до этой ночи считали слова магистрессы ложью. Вся верхушка Ордена непрестанно лгала по поводу и без повода.

Кирие направилась назад, к Воон Дарт и корчме. Кирие понадеялась на то, что мужчина еще не оставил свою комнату.

Глава 1

Сестры Ама, которых он видел до сих пор, были низкорослые, коренастые и с ногами, волосатыми как у плосколицых. Алия Лов, хоть из Ордена, была совсем другая: высокая, стройная, с гладкой, как после мазей, кожей, без узловатых мышц, обычных для женщин-воинов. Она лежала на песке и плевалась им в сапоги Кестеля. Он же, наклонившись, острием меча касался ее грудины, а верней, деликатного местечка между грудями, и с удовольствием рассматривал поверженную добычу.

Кестель не ожидал того, что все получится так просто.

Дело закончилось пополудни. На тракте было светлей, чем в лесу, ветер шелестел в кронах деревьев. Чтобы легче было двигаться, Алия сбросила плащ, оставшись в легких кожаных доспехах. Наверное, она носила их украшения ради. Они больше открывали, чем прятали. Кестель не торопился. Рассматривал неспешно, с удовольствием.

Да уж, такое тело. То бишь тело у любого есть. Но не такого свойства и сорта.

Он осторожно передвинул острие, чуть больше раскрыл кожаное декольте. Ох, только глупцы ходят драться с драконами. Гораздо приятнее побеждать красивых женщин.

Алия испустила такой поток брани, что у Кестеля перехватило дух. Ну, говорят же некоторые, что женщина — худшая из бестий.

— На живот! — скомандовал он и убрал острие.

Он придавил коленом ей плечи — не слишком сильно, чтобы не навредить, — и связал руки. Ох, трудно оторвать взгляд от такого задка. Такая аппетитная округлая попа.

Кажется, Алия ощутила, во что именно уперся его взгляд.

— Ты, паскудник, и не надейся! Если тебе дорог твой кусок мяса, и не думай пробовать!

Кестель не обратил внимания на угрозы и перевернул пленницу на спину. Алия стиснула колени.

— Расплющу тебе, если только попробуешь. Уж я-то сумею!

Он одним рывком поднял Алию, поставил на ноги, затем подобрал ее кривые, очень легкие мечи. Оттого, что нагнулся, он ощутил все свои шрамы.

— Чего ты вообще хочешь? — выплюнув остатки песка изо рта, спросила Алия. — Вот же прицепился! И подумать только, что я вовсе и не хотела идти этой дорогой.

Он спрятал мечи в дорожный мешок, так что снаружи торчали лишь рукояти. За мечами отправилась и маска: серебряная, украшенная кровавыми слезами.

Маску Алия не успела нацепить — Кестель застал врасплох.

— Я и так нашел бы тебя,— заверил он.

— А ты искал меня?

Он пожал плечами, посмотрел на колыхающиеся под ветром кроны деревьев, на лицо Алии, ярко освещенное послеполуденным солнцем. Такая здоровая, смугловатая кожа. Безупречная, если не считать трех шрамов на правой скуле, очень нежных, будто от кошачьих когтей. Нос прямой. Вполне приятный нос, надо сказать, а рот так и кричит: «Поцелуй меня!» Шея сильная, жилистая, но очень даже симпатичная шея. Правда, смотрит добыча совсем нехорошо. Ну да ладно.

— У меня на тебя грамота.

Алия зажмурилась, провела языком по пересохшим от пыли губам.

— Вот же сукин сын! Так ты ловчий.

— Кестель Самран Нетса к вашим услугам.

— Кестель,— повторила она.— Хм, а ты не от Театра? Даже и не знаю, хорошо это или скверно...

— Какая разница? Так или иначе завезу тебя в Арголан.

Она мотнула головой — стряхнула упавшую на глаза прядку волос, посмотрела спокойно, вызывающе.

— Ну да, разницы никакой. А ведь я слышала про тебя. Ты же повсюду обо мне расспрашивал, а я-то не приняла всерьез. Подай мне плащ.

На краю дороги, за молодым буком, стоял сплетник-болванчик, присматривался, кивал головкой, высовывал язык.

Тряпичные веки поднялись, упали. Затем они открылись снова. В темноту уставились неподвижные деревянные глаза.

Бомол встал. Стены пещеры сочились влагой, о камни барабанили капли воды. Для кого-нибудь с менее утонченным вкусом этот звук мог бы стать пыткой, но Бомолу он звучал музыкой. Он поплелся сквозь сумрак, подволакивая гибкие ноги, открыл сбитую из нестроганных досок дверь и вошел в столь же темный зал, глубоко вдохнул прекраснейший в мире запах препаратов и средств для сохранения плоти.

Бомол не разжигал факелов. Он боялся огня, способного в мгновение ока истребить тряпичное тело. Да Бомолу и не требовался свет, чтобы снять с полки то, за чем пришел. Потом Бомол, сгорбившись, поплелся в соседний зал, где было уже чуть светлее: сквозь дыру в потолке падал солнечный луч, расщепляясь на тысячу оттенков.

Там Бомол посмотрел на то, что держал в руках — на препарированную людскую голову. Кости черепа поддавались нажатию, прогибались, но, отпущенные, возвращались на прежнее место. Бомол сунул голову на свою, тряпичную.

Затем он снял со стены руки и натянул на свои веревочные, приклеил ладони белой живицей из глиняного кувшинчика с плотной крышкой. Ноги Бомол достал из сундука и пришил нитью из выделений амсорпака. Работа заняла много времени, и по ее окончании Бомол без удовольствия осмотрел сделанное. Ну ладно, можно надевать штаны и, наконец, заняться главным. Бомол взялся распускать шнуровку на груди.

Он уселся, раздвинул внутренние слои ткани и коснулся новыми ладонями сердца. Он долго сидел и слушал стук, тихий, словно битье часов в большом доме, ощущал биение меж пальцами.

Но в конце концов слушать наскучило. Бомол развязал очередную шнуровку, выдернул сердце и бросил в просмоленное ведро с водой. Плеснуло, разлетелись брызги.

Бомол зашнуровался, надел на тряпичное тело камзол оленьей кожи, взял пару кинжалов, один из которых проржавел, сунул в ножны на спине.

Бомол пошел по коридору, то и дело спотыкаясь, теряя равновесие. Слишком тяжело. Очень уж много взял с собой. Но Бомолу тяжесть даже нравилась. Он знал, что скоро привыкнет и перестанет ее замечать. Зато с каждым шагом нарастали возбуждение и радость — как всегда, когда выходил на охоту.

Бомол вышел из пещеры.

Сплетник-болванчик уже заткнулся и скрылся меж деревьями.

Виана ДаХан вытащила из подпола землянки тяжелую стальную трость, препоясалась острой лентой нансее, уселась на старом пне и глотнула ферментированный сок плодов гардоа из заплесневелой глиняной бутылки. Солнце уже клонилось к горизонту. Да, ждать пришлось долго. Но пришла пора, и теперь надо действовать быстро и решительно.

Виана надела обшитый рыбьей чешуей кафтан и маску трески. Когда-то давно, на заре жизни, когда

